

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

*Иногда мечта
сильнее страха...*

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ

РОМАН

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ – (роман)

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последний полёт» — повествование о судьбе Антуана де Сент-Экзюпери, человека, для которого небо стало призванием, а полёт — выражением внутренней свободы и ответственности. Проследивая путь героя от детства и первых авиационных впечатлений до военных лет и загадочного исчезновения, автор стремится раскрыть не только известные события биографии, но и внутренний мир писателя, его любовь, одиночество и верность своему делу. Главное достоинство замысла — соединение истории лётчика с размышлениями о человеческом достоинстве, долге и цене призвания. Роман предлагает читателю увидеть за легендарным именем живого человека, чья судьба неотделима от его духовных поисков. Роман «Последний полёт» - это серьёзная попытка художественно осмыслить жизнь человека, для которого небо было не просто пространством полёта, но и способом понимать мир.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примечание автора	6
Пролог. Утро последнего полёта	7
Глава 1. Дом, где начиналось детство	9
Глава 2. Первое прикосновение к небу	13
Глава 3. Радость и первая утрата	20
Глава 4. Юность и выбор пути	24
Глава 5. Человек получает крылья	28
Глава 6. Профессия, которой ещё учится мир	31
Глава 7. Кап-Джуби	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ – (роман)
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ – (роман)

Примечание автора

В основе романа лежат биографические сведения и исторические события, сопоставленные по опубликованным источникам. Там, где документы не сохраняют точных разговоров, авторские диалоги и отдельные бытовые сцены являются художественной реконструкцией, а не дословными историческими свидетельствами. Обстоятельства последнего полёта Антуана де Сент-Экзюпери остаются не до конца установленными; поэтому версии о его гибели не следует принимать за доказанный факт.

Пролог. Утро последнего полёта

31 июля 1944 года

Средиземное море в тот день казалось бесконечным. Его спокойная поверхность отражала бледное летнее небо, и только далеко на горизонте тонкая полоса тумана отделяла воду от небесной выси. Утро начиналось так, словно миру не предстояло пережить ещё один день войны, словно человеческая жестокость была лишь дурным сном, который рассеется с первыми лучами солнца.

Но война не была сном. Она давно проникла в каждую человеческую судьбу, изменила привычные очертания городов, заставила миллионы людей покинуть родные дома и научила даже самых мирных смотреть на небо с тревогой. Само небо, некогда служившее символом свободы и бесконечного пространства, теперь стало дорогой, по которой двигались бомбардировщики, истребители и разведывательные самолёты.

На аэродроме Борго, расположенном на восточном побережье Корсики, утро началось с обычной для военного времени суеты. Механики осматривали машины, проверяли оборудование и готовили самолёты к вылету. Ветер доносил запах моря, горячего металла и авиационного топлива. Люди говорили коротко, деловито, не задерживаясь возле тех, кто спешил по своим делам. Каждый знал, что даже незначительная ошибка в воздухе могла стоить жизни.

Среди этих людей находился человек, чьё имя уже было известно далеко за пределами Франции. Его книги читали в разных странах, его рассказы о полётах открывали читателям мир, который прежде существовал главным образом в воображении. Он умел говорить о человеке с такой простотой, что за обыкновенными словами внезапно обнаруживались самые трудные вопросы жизни: ради чего мы живём, что связывает нас с другими людьми и почему ответственность за тех, кого мы любим, порой оказывается сильнее страха смерти.

Однако на аэродроме он был прежде всего лётчиком.

Его самолёт ждал последнего задания.

Он был уже не молод для военной авиации, особенно для полётов на большой высоте и в условиях постоянной опасности. За плечами лежали годы, проведённые в небе, аварии, тяжёлые посадки, болезни, бессонные ночи и разочарования, которые не всегда удавалось скрыть даже от самого себя. Тело всё чаще напоминало ему о пережитых испытаниях, но внутреннее стремление вернуться к полётам не исчезало.

Он слишком хорошо знал, что война не оставляет человеку полной свободы выбора. И всё же он снова и снова выбирал небо.

Возможно, потому, что в полёте жизнь обнажалась до своей первозданной сущности. Там нельзя было бесконечно спорить о справедливости, оправдывать собственную слабость или перекладывать ответственность на чужие плечи. Перед человеком находились приборы, облака, земля, исчезающая под крыльями, и пространство, в котором каждое решение приобретало вес, несоизмеримый с его внешней простотой.

Но было бы ошибкой считать, что он искал в небе только опасность или забвение. Он любил землю. Любил города, над которыми проходили его маршруты, маленькие дома, затерянные среди полей, и дороги, по которым люди возвращались вечером к своим семьям. Он любил человеческую жизнь именно за её непрочность, за то, что она могла оборваться в одно мгновение, оставив незавершёнными разговоры, невысказанные слова и обещания, которые казались такими естественными, пока рядом находились те, кому они предназначались.

Возможно, именно поэтому он так настойчиво возвращался к своим книгам. Литература позволяла ему продолжить разговор, который в воздухе иногда приходилось прерывать на полуслове. Она давала возможность остановиться, посмотреть в собственную память и понять, что пережитое принадлежит не одному человеку. Если страдание удаётся выразить

словами, оно перестаёт быть только личной болью и становится частью общего человеческого опыта.

Война не располагала к долгим размышлениям. Она требовала вылетов, отчётов, разведывательных сведений и новых решений. В тот день ему предстояло подняться на разведывательном Lockheed P-38 Lightning — самолёте фоторасведки F-5B — и выполнить съёмку над районами Гренобля и Анси в рамках подготовки союзной высадки в Провансе. Он должен был собрать сведения о местности и расположении немецких сил, а затем вернуться на базу.

Таков был порядок службы. Так начинались сотни других вылетов.

Никто не мог знать, что именно этот полёт станет последним.

Впоследствии люди будут спорить о том, что произошло над морем, какие обстоятельства привели к исчезновению самолёта и почему опытный лётчик не вернулся на аэродром. Будут появляться свидетельства, версии и предположения. Исследователи станут сопоставлять документы, искать следы машины и восстанавливать маршрут, который оборвался где-то между небом и землёй.

Но в то утро никто не располагал будущим. Будущее существовало лишь как продолжение привычного порядка вещей: вылет, выполнение задания, возвращение, короткий отдых и новые обязанности. Люди не прощаются с каждым днём так, словно он последний. Иначе жизнь стала бы невозможной.

Перед отлётом оставались обычные приготовления. Проверка оборудования, последние указания, знакомые лица вокруг самолёта. В этих простых действиях не было ничего торжественного. Война давно приучила людей к тому, что опасность редко предупреждает о себе заранее.

А потом самолёт поднялся в воздух.

Земля начала удаляться, аэродром уменьшился, и береговая линия постепенно превратилась в тонкий рисунок, проведённый между сушей и морем. Внизу оставались люди, дома, дороги и всё то, ради чего, собственно, имело смысл возвращаться. Впереди лежало пространство, которое он знал с юности и которое никогда не переставало притягивать его своей суровой красотой.

Что занимало его мысли в начале полёта, мы не знаем. Можно лишь помнить, что для Антуана полёт никогда не был простым перемещением из одного места в другое. В небе он испытывал себя, проверял собственное достоинство и пытался понять мир, не теряя связи с землёй.

Самолёт уходил на юг, а за его крыльями оставался тонкий след, быстро растворявшийся в прозрачной синеве.

Море продолжало жить своей древней жизнью. Оно не знало человеческих имён, не различало победителей и побеждённых, не хранило в своей памяти ни грома орудий, ни последних слов тех, кто исчезал над его просторами. Но однажды оно стало свидетелем исчезновения человека, чьи книги переживут войну, чьи мысли продолжат тревожить сердца и чья судьба навсегда останется связанной с тайной последнего полёта.

В тот день Антуан де Сент-Экзюпери отправился выполнять своё задание.

И больше его никто не увидел.

Так закончилась одна жизнь, но не завершилась история человека, который всю жизнь пытался понять, что делает нас людьми.

ЧАСТЬ

I

. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМОТРЕЛ В НЕБО

Глава 1. Дом, где начиналось детство

В начале XX века Лион жил своей привычной жизнью большого французского города, в котором старинные улицы соседствовали с новыми промышленными кварталами, а шум торговли и городских мастерских сопровождал повседневные заботы тысяч людей. Здесь, 29 июня 1900 года, в семье графа Жана де Сент-Экзюпери и Марии де Фонсколомб родился мальчик, которому предстояло стать одним из самых известных французских писателей XX столетия.

Его назвали Антуаном Мари Жаном-Батистом Роже. Имя было длинным, соответствовавшим семейной традиции, но в первые годы жизни оно ещё ничего не говорило о будущем своего обладателя. Для окружающих он был просто Тонино — ласковое домашнее имя, которым его называли близкие. В нём было что-то мягкое и доверительное, словно ребёнок уже одним своим присутствием напоминал взрослым, что жизнь состоит не только из обязанностей, условностей и старых семейных правил.

Сент-Экзюпери принадлежали к старинному дворянскому роду. Их происхождение, семейная память и воспитание связывали их с миром, в котором большое значение придавалось чести, достоинству, ответственности и верности собственному слову. Однако подлинная жизнь редко укладывается в готовые представления о сословии и происхождении. Человек может родиться в старом доме, среди портретов предков и тщательно соблюдаемых обычаев, но его характер всё равно складывается из того, что он увидит, полюбит, потеряет и сумеет сохранить в себе вопреки обстоятельствам.

Антуан был третьим ребёнком в семье. Перед ним родились две дочери — Мари-Мадлен и Симона, а позднее появились Габриэль и Франсуа. В этом небольшом семейном мире, где дети росли рядом, спорили, играли и открывали для себя окружающую действительность, постепенно формировалась та особая восприимчивость, которая позднее станет одной из главных черт писателя.

Детство не оставляет человеку точной карты будущего. Оно не сообщает, какие события окажутся решающими, какая встреча изменит судьбу и какая потеря навсегда останется в глубине души. Но оно создаёт внутренний мир, к которому взрослый возвращается даже тогда, когда давно покинул родные места. Иногда этот мир сохраняется в запахе старой комнаты, в очертаниях деревьев за окном, в голосе матери или в воспоминании о руке, державшей тебя за плечо, когда ты ещё не умел самостоятельно преодолевать собственный страх.

Для Антуана таким миром впоследствии станет не только Лион, где он родился, но и старинное поместье Сен-Морис-де-Реман, принадлежавшее семье его родственников. Именно с этим домом будут связаны многие из самых тёплых воспоминаний его детства.

Поместье находилось в сельской местности, вдали от большого города. Его окружали деревья, сады, поля и дороги, уходившие к небольшим поселениям. Здесь жизнь текла иначе, чем в Лионе. Город торопил человека, заставлял считаться с расписанием, работой и множеством чужих голосов. За городом время словно приобретало другое течение. Можно было долго смотреть на облака, следить за движением насекомого в траве, слушать ветер в ветвях и не испытывать необходимости немедленно объяснять себе, зачем всё это нужно.

В детстве мир ещё не разделён на полезное и бесполезное. Ребёнок способен часами заниматься тем, что взрослому покажется пустяком: рассматривать камешек, наблюдать за птицей, придумывать историю о далёком путешествии или задавать вопросы, на которые никто не может дать исчерпывающего ответа. Взрослые часто торопятся вернуть его к более серьёзным занятиям, не замечая, что именно в эти минуты происходит незаметное, но важное открытие мира.

Антуан рос любознательным мальчиком. Его привлекали необычные вещи, механизмы, рисунки и всё, что позволяло представить невидимое или вообразить то, чего ещё не суще-

ствовало в действительности. Позднее он станет рисовать, сочинять истории и создавать персонажей, в которых детская непосредственность соединится с недетским пониманием одиночества, дружбы и ответственности. Но пока эти способности существовали в нём лишь как естественная потребность замечать больше, чем требовали повседневные обстоятельства.

Особое место в его жизни занимала мать. Мария де Сент-Экзюпери была женщиной образованной, восприимчивой к искусству и обладавшей внутренней стойкостью, которой позднее пришлось пройти через немало тяжёлых испытаний. Она любила детей и старалась окружить их заботой, несмотря на трудности, возникавшие в семейной жизни.

Для ребёнка мать — это прежде всего человек, рядом с которым мир становится понятнее и безопаснее. Её присутствие не обязательно требует слов. Достаточно знать, что она находится в соседней комнате, что её голос можно услышать, что в случае неудачи или испуга есть к кому обратиться. Впоследствии, когда человек вырастет и начинает самостоятельно отвечать за свои поступки, он нередко забывает, насколько многое в его характере возникло благодаря этому первоначальному ощущению защищённости.

Мария была не только матерью, но и человеком, способным воспринимать внутреннюю жизнь детей серьёзно. В семейном окружении Антуан мог чувствовать, что мир не исчерпывается тем, что видно на поверхности. За внешними событиями существуют чувства, воспоминания, надежды и страхи, которые нельзя измерить или оценить по одному лишь внешнему поведению.

Это понимание станет важным для будущего писателя. Его произведения будут посвящены не столько необычным происшествиям, сколько тому, что происходит с человеком внутри этих происшествий. В «Планете людей» он будет размышлять о товариществе и ответственности, в «Военном лётчике» — о нравственном смысле долга, а в «Маленьком принце» сумеет рассказать о любви и одиночестве так, что простые слова окажутся понятными и ребёнку, и взрослому, прожившему долгую жизнь.

Но пока до этих книг было далеко. Впереди лежали школа, первые серьёзные разочарования, попытки найти своё место в мире и множество вопросов, на которые не существовало готовых ответов.

В 1904 году, когда Антуану было всего четыре года, умер его отец. Жану де Сент-Экзюпери было около сорока лет. Его смерть стала тяжёлым событием для семьи, особенно для Марии, которой пришлось одной заботиться о пятерых детях.

Для самого Антуана эта потеря не могла стать осознанным воспоминанием во всех подробностях. В таком возрасте ребёнок ещё не способен понять окончательность смерти так, как её понимает взрослый. Он может почувствовать отсутствие близкого человека, уловить тревогу окружающих, заметить, что в доме изменилось настроение, но смысл произошедшего будет открываться ему постепенно, по мере взросления.

Иногда именно такие ранние утраты становятся частью внутренней истории человека, хотя он не может восстановить их по памяти. Они существуют в семейных рассказах, в молчании взрослых, в изменившемся укладе жизни. Ребёнок растёт, не всегда понимая, почему некоторые темы вызывают у близких печаль, почему мать иногда смотрит вдаль, прежде чем ответить на вопрос, и почему в доме есть место, которое словно хранит невидимое присутствие ушедшего человека.

Нельзя утверждать, что смерть отца заранее определила все будущие душевные переживания Антуана. Человеческий характер складывается из множества обстоятельств, и ни одна утрата не объясняет судьбу целиком. Однако раннее столкновение с отсутствием близкого человека, несомненно, принадлежало к той семейной реальности, в которой проходило его детство.

Марии пришлось соединить в себе нежность и твёрдость. Она должна была поддерживать детей, решать практические вопросы и сохранять для них ощущение дома, хотя сама пережи-

вала собственное горе. Её жизнь отныне требовала постоянной ответственности, не допускавшей долгого отступления перед трудностями.

Дети росли в окружении родных и близких, а Сен-Морис-де-Реман оставался одним из тех мест, где семейные связи приобретали особенную силу. Здесь можно было играть, бегать по саду, наблюдать за сменой времён года и чувствовать, что жизнь продолжается, несмотря на случившееся.

Возможно, именно в этом и заключается одна из важнейших обязанностей взрослых перед детьми: не скрывать от них существование горя, но и не позволять горю занять всё пространство жизни. Мир может причинять боль, люди могут уходить, привычный порядок может разрушаться, однако остаются солнце, земля, работа, любовь и возможность однажды снова почувствовать радость.

Антуан ещё не мог выразить эту мысль словами. Ему предстояло прожить долгую внутреннюю жизнь, прежде чем он научится говорить о человеческой уязвимости без сентиментальности и о мужестве без громких деклараций. Но сама возможность такого понимания уже существовала в мире, который окружал его.

Старый дом не объяснял ребёнку, кем он станет. Он лишь предоставлял ему пространство для первых открытий. Деревья не учили его философии, но приучали смотреть и замечать. Мать не читала ему лекций об ответственности, но показывала её повседневными поступками. Семейные утраты не сообщали ему готовой истины о смерти, однако постепенно открывали то, что позднее станет одной из важнейших тем его творчества: человеческая жизнь драгоценна не потому, что защищена от страданий, а потому, что в ней есть связи, которые делают нас ответственными друг за друга.

Время шло. Мальчик рос, менялись его интересы, возникали новые желания. В нём всё заметнее проявлялась потребность не только наблюдать за миром, но и проникать в его тайны. Он хотел знать, как устроены вещи, что находится за пределами привычного пространства, почему одни люди довольствуются тем, что имеют, а другие постоянно стремятся к чему-то неизвестному.

Эти вопросы ещё не складывались в определённую программу жизни. В детстве человек не обязан знать своё предназначение. Иногда даже лучше, если оно открывается постепенно, через ошибки, случайные встречи и занятия, которые поначалу кажутся незначительными. Главное — сохранить способность удивляться, не превращая любопытство в простое накопление сведений.

В будущем Антуан станет лётчиком, писателем и участником войны. Он увидит пустыни и океаны, переживёт опасные аварии, будет любить и страдать, испытает одиночество изгнания и окажется перед вопросами, на которые не сможет ответить ни один прибор. Его книги будут рождаться из соединения личного опыта, наблюдений и размышлений о человеческом существовании.

Но в самом начале этой дороги находился ребёнок, который ещё не знал ни своего будущего, ни того, насколько непрочным бывает человеческое счастье.

Он жил в мире, где можно было проснуться утром, услышать голоса родных, выйти в сад и увидеть, как солнечный свет медленно касается деревьев. В этом не было ничего необыкновенного. И всё же именно из таких мгновений складывается память, которая спустя годы помогает человеку не потерять себя среди больших событий.

Каждому из нас необходимо место, куда можно вернуться хотя бы мысленно. Для одного это улица, для другого — берег реки, для третьего — лицо человека, которого уже нет рядом. Такие места не избавляют от трудностей, но напоминают, что жизнь началась задолго до наших ошибок и разочарований, что мы не появились в мире совершенно одни и что в глубине памяти сохраняется нечто, способное поддержать нас в самые тяжёлые минуты.

Для Антуана де Сент-Экзюпери таким местом навсегда останется дом детства.

И однажды, когда ему придётся пересечь океан, оказаться среди песков Сахары или покинуть Францию, спасаясь от войны, память об этом доме будет существовать рядом с ним — не как точное описание прошлого, а как внутреннее чувство принадлежности к миру, в котором любовь была связана с заботой, а забота — с ответственностью.

Мальчик ещё не знал, что ему предстоит написать книгу о маленьком путешественнике, который покинет свою планету и отправится искать понимание в огромной Вселенной. Он не знал, что однажды люди будут читать его слова на разных языках и узнавать в них собственные сомнения и надежды.

Пока он только учился жить.

А жизнь уже готовила ему первый урок, который нельзя было получить из книг: чтобы по-настоящему увидеть мир, человеку необходимо не только смотреть на него, но и научиться чувствовать, что связывает его с другими людьми.

И, быть может, именно с этого начинается путь к небу — не с желания улететь как можно дальше от земли, а с умения сохранить в себе то, ради чего однажды захочется вернуться.

Глава 2. Первое прикосновение к небу

Лето 1912 года выдалось тёплым. В поместье Сен-Морис-де-Реман деревья стояли густо покрытые листвой, в саду пахло нагретой травой, а по утрам, когда солнце только поднималось над окрестными полями, воздух казался таким чистым, словно ночь успевала смыть с земли всю накопившуюся за день пыль.

Антуану исполнилось двенадцать лет. Он заметно вытянулся, но в его худощавой фигуре ещё сохранялась детская угловатость. Светлые волосы постоянно падали ему на лоб, и он то и дело отбрасывал их назад, когда увлекался очередным рассказом или пытался разглядеть что-нибудь вдаль. В его глазах жило выражение человека, которому всегда недостаточно того, что уже известно. Он мог долго рассматривать незнакомый предмет, а затем неожиданно задать вопрос, ставивший взрослых в тупик.

В тот день он был занят необыкновенно важным делом. На листе бумаги, разложенном на столе, постепенно возникал самолёт. Антуан рисовал его с таким усердием, будто от точности каждой линии зависело, сумеет ли машина подняться в воздух. Крылья получились несколько непропорциональными, хвост казался слишком большим, а винт занимал едва ли не половину передней части корпуса. Но мальчика это не смущало.

Он отодвинул рисунок, посмотрел на него с неудовольствием и снова принялся за работу.

— Если крылья сделать шире, он сможет держаться в воздухе дольше, — пробормотал он.

— Кто сможет держаться в воздухе дольше?

Антуан вздрогнул и обернулся. В дверях стояла его сестра Симона.

— Самолёт.

— А разве у тебя их уже несколько?

— Пока один.

— Тогда, наверное, не стоит так строго судить его за недостатки.

Антуан посмотрел на сестру с видом человека, которого отвлекли от серьёзного исследования.

— Ты ничего не понимаешь. Если я нарисую его неправильно, он не полетит.

Симона подошла к столу и наклонилась над бумагой.

— А если нарисуешь правильно, он полетит?

Мальчик на мгновение задумался.

— Конечно.

— Тогда почему ты ещё не летаешь?

Вопрос был задан с таким невинным любопытством, что Антуан не сразу нашёл с ответом. Потом он усмехнулся.

— Потому что сначала нужно построить самолёт.

— А потом?

— Потом нужно найти человека, который умеет им управлять.

— А потом?

— Симона, если ты будешь всё время спрашивать «потом», мы никогда ничего не построим!

Сестра рассмеялась и отошла от стола. Антуан снова склонился над рисунком, но теперь его мысли уже не вполне подчинялись карандашу. Вопрос Симоны оказался неприятно разумным. Между рисунком на бумаге и настоящим полётом существовало расстояние, которое нельзя было преодолеть одним воображением.

Ему хотелось увидеть самолёт не на картинке, а в действительности. Увидеть, как работает двигатель, как вращается винт, как машина отрывается от земли и почему, вопреки всему, что подсказывает обычный человеческий опыт, она не падает сразу же вниз.

В то время авиация ещё оставалась сравнительно молодым и опасным занятием. Всего несколько лет назад полёт на аэроплане казался многим невероятным достижением, почти нарушением естественного порядка вещей. Теперь машины поднимались в воздух всё чаще, но их конструкции продолжали совершенствоваться, а пилоты расплачивались за ошибки собственными жизнями. Человек ещё не научился чувствовать себя в небе так же уверенно, как на земле.

Именно это, возможно, и привлекало Антуана сильнее всего. Там, где взрослые видели риск и неудобство, он замечал возможность, которая ещё не успела превратиться в привычку.

Вскоре ему представился случай приблизиться к своей мечте.

Однажды он узнал, что неподалёку, в районе Амберё-ан-Бюже, можно увидеть настоящие аэропланы. Сведения были не слишком подробными, зато для мальчика их оказалось вполне достаточно. Он стал расспрашивать знакомых, выяснять, где находятся лётчики и когда можно застать их на месте. Мысль о поездке не давала ему покоя.

— Мама, я хочу посмотреть на самолёты, — сказал он за завтраком.

Мария подняла глаза от своей чашки.

— В Амберё? На аэродром?

— Там неподалёку есть аэродром. Говорят, можно увидеть, как они летают.

— И ты собираешься провести там весь день?

— Не весь. Я только посмотрю.

Мать улыбнулась.

— Ты говоришь так, словно собираешься выполнять важное поручение.

— Для меня это важно.

В его голосе не было ни каприза, ни желания произвести впечатление. Антуан действительно считал, что увиденное в тот день может изменить его жизнь, хотя ещё не умел объяснить почему.

Мария некоторое время смотрела на сына. Она знала, как трудно удержать его от того, что захватывало воображение. Она не одобряла его увлечения опасными машинами и не собиралась разрешать ему подниматься в воздух. Но запрет не мог заставить Антуана перестать думать о самолётах.

— Ты можешь смотреть на самолёты, Тонино, но не вздумай садиться в один из них. Летать тебе нельзя. Это опасно.

— Я буду осторожен.

— Осторожность не всегда спасает от опасности. Пообещай мне, что не станешь рисковать.

Антуан опустил глаза. Он хотел успокоить мать, но мысль о полёте уже стала сильнее простого любопытства.

— Я только посмотрю поближе.

— Только посмотришь?

Мария не стала продолжать разговор. Она надеялась, что сын ограничится тем, о чём просил. Антуан же уже думал о том, как приблизиться к самолёту.

Летом 1912 года Антуан часто добирался на велосипеде до аэродрома Бельевр близ Амберё-ан-Бюже. Он мог часами наблюдать за самолётами, расспрашивать механиков и следить за работой пилотов. Именно там, несмотря на запрет матери, он добился своего первого полёта.

Но действительность оказалась совсем не похожей на его воображение.

Самолёт, который он увидел, не выглядел прекрасным и невесомым созданием, готовым бесшумно унести в облака. Это был построенный по проекту братьев Вроблевских аппарат Berthaud-Wroblewski — конструкция из дерева, ткани и металла. Машина стояла на земле, от

неё пахло маслом и топливом. Вокруг работали люди, проверяли детали, осматривали крепления и переговаривались между собой.

Антуан приблизился настолько, насколько ему позволили, и остановился. Он не знал, что этот интерес вскоре приведёт его к поступку, на который мать не давала согласия.

Он смотрел на самолёт с недоверием человека, который ожидал увидеть чудо, а обнаружил нечто гораздо более сложное.

Чудо оказалось сделано человеческими руками.

Это открытие поразило его сильнее, чем он мог бы предположить. До сих пор полёт представлялся ему прежде всего загадкой. Теперь загадка обрела вполне материальные очертания: у неё были крылья, двигатель, винт, крепления, провода и множество деталей, каждая из которых должна была выполнять свою работу. Самолёт не мог подняться в воздух только потому, что кто-то сильно желал этого. Желание требовало знания, расчёта, точности и мужества.

Рядом с машиной находился пилот Габриэль Вроблевский, один из братьев, участвовавших в создании самолётов этой серии. Антуан давно наблюдал за работой лётчиков и механиков, а теперь решил обратиться к нему.

— Простите, месье, вы действительно можете подняться на этой машине?

Лётчик повернул голову. Перед ним стоял худой мальчик с необыкновенно серьёзным лицом.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что можете. Но хотел бы увидеть сам.

— Вот как! Значит, ты мне не доверяешь?

Антуан смутился.

— Я не это хотел сказать. Просто я никогда не видел полёта так близко.

Лётчик рассмеялся, но не насмешливо, а скорее с удовольствием, которое испытывают люди, обнаружившие в другом человеке настоящее любопытство.

— Тогда смотри внимательно. Только не подходи к машине, пока я не разрешу. Вблизи самолёт опаснее, чем кажется со стороны.

Мальчик немедленно отступил на несколько шагов.

— А почему он вообще летит?

Вопрос заставил пилота на мгновение задуматься. Очевидно, он ожидал чего угодно, но не того, что незнакомый ребёнок сразу перейдёт от восхищения к устройству полёта.

— Потому что мы научились создавать машину, способную держаться в воздухе, — ответил он.

— Но как?

— Это уже более длинный разговор.

— Я могу слушать долго.

— В этом я не сомневаюсь.

Лётчик снова улыбнулся и принялся объяснять. Он говорил о крыльях, о двигателе, о скорости, о необходимости сохранять равновесие и учитывать движение воздуха. Антуан слушал, стараясь не упустить ни одного слова. Некоторые объяснения оставались для него непонятными, однако он не хотел признаваться в этом и задавал новые вопросы.

— Значит, если крыло будет сделано неправильно, самолёт упадёт?

— Вполне возможно.

— А если двигатель остановится?

— Тогда пилоту придётся постараться, чтобы посадить машину.

— А если он не сможет?

На этот раз лётчик ответил не сразу.

— Тогда всё может закончиться плохо.

Антуан опустил глаза, посмотрел на крыло и снова поднял голову.

— И вы всё равно летаете?

— Разумеется.

— Почему?

Пилот внимательно посмотрел на него. В этом мальчике было что-то необычное: он не ограничивался вопросами о скорости и высоте, не просил рассказать о самых смелых трюках и не восхищался лётчиком только потому, что тот мог подняться над землёй. Его интересовало не столько то, что человек способен сделать, сколько то, почему он решается это делать.

— Потому что это моя работа, — ответил пилот. — А ещё потому, что я люблю летать.

— Но ведь опасно.

— Очень опасно.

— И вы не боитесь?

Лётчик на мгновение отвернулся к самолёту.

— Боятся все, кто понимает, что делает. Вопрос не в том, боишься ты или нет. Вопрос в том, умеешь ли ты думать, когда тебе страшно.

Антуан запомнил эти слова не потому, что сразу понял их смысл. В двенадцать лет человек ещё не располагает достаточным жизненным опытом, чтобы оценить цену подобного ответа. Но иногда сказанное взрослым остаётся в памяти надолго, прежде чем приобретёт настоящее значение.

Мальчик посмотрел на пилота с уважением.

— Я тоже хочу научиться летать.

— Тогда тебе придётся многому научиться сначала на земле. Но, если ты хочешь понять полёт, одного наблюдения мало.

— Я согласен.

— Это правильное желание. Но на земле нужно учиться терпению, внимательности и ответственности. В воздухе ошибки становятся заметнее, а начинаются они обычно гораздо раньше.

Пилот уже собирался идти к самолёту, когда заметил, что мальчик всё ещё стоит рядом, не сводя глаз с кабины.

— Хочешь полететь? — спросил он.

Антуан почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он знал, что мать запретила ему садиться в самолёт. Но возможность, о которой он мечтал, была совсем рядом.

— Мама разрешила, — ответил он.

Это была неправда. Он сказал её не из желания получить выгоду, а потому, что боялся потерять единственный шанс, который мог больше не представиться. Пилот не стал расспрашивать мальчика и велел ему приготовиться к полёту.

Антуан занял пассажирское место. Пилот проверил машину, устроился за управлением, и вскоре двигатель ожил. Сначала раздался неровный, прерывистый звук, затем мотор заработал увереннее. Винт превратился в быстро вращающийся круг, воздух наполнился грохотом, а лёгкая конструкция словно ожила.

Антуан почувствовал, как у него участилось сердцебиение.

Самолёт начал двигаться. Он катился по площадке, постепенно набирая скорость. На мгновение Антуану показалось, что машина не сможет оторваться от земли, что она слишком тяжела, слишком хрупка и слишком несовершенна для полёта. Но затем произошло то, ради чего он пришёл сюда.

Колёса отделились от земли, и Антуан впервые в жизни поднялся в воздух.

Самолёт поднялся, сначала неуверенно, потом всё спокойнее, и начал набирать высоту. Земля отступала под крыльями, дома и дороги уменьшались, а ветер и шум двигателя заглушали привычные звуки. Антуан испытывал одновременно восторг и страх: теперь он не просто наблюдал за полётом со стороны, а сам находился в воздухе.

В этом зрелище не было ничего сказочного. Самолёт не превращался в птицу, не исчезал среди облаков и не нарушал законы природы. Он просто поднимался в воздух, подчиняясь законам, которые люди ещё недавно понимали лишь отчасти, а теперь учились использовать.

И всё же Антуану казалось, что перед ним происходит нечто гораздо большее, чем испытание новой машины.

Человек, привыкший ходить по земле, сумел оторваться от неё и увидеть привычный мир с другой высоты. Он мог смотреть на поля, дороги и дома иначе, чем смотрел на них прежде. Он мог преодолевать расстояния, которые раньше казались непреодолимыми, и открывать пространство, существовавшее всегда, но остававшееся недоступным для человеческого тела.

Когда самолёт снова коснулся земли и остановился, Антуан не сразу смог подняться с пассажирского места. Он только что пережил то, о чём мечтал, и теперь пытался понять, как рассказать об этом словами.

— Ну что, доволен? — спросил кто-то из находившихся рядом взрослых.

Мальчик не сразу ответил.

— Да.

— Теперь понял, как это делается?

Антуан повернулся к говорившему.

— Не совсем.

— Тогда почему ты так смотришь?

Он снова поднял голову, словно надеялся увидеть машину там, где её уже не было.

— Потому что теперь я знаю, что это возможно.

Эти слова могли бы показаться обыкновенными, если бы за ними не скрывалось открытие, которое иногда меняет всю жизнь человека. До этого дня полёт существовал для Антуана как мечта, которую можно было рисовать, обсуждать и бесконечно совершенствовать в воображении. Теперь он знал, что мечта имеет материальную форму, что её можно проверить на опыте и что путь к ней требует не только воображения, но и труда.

Возвращаясь домой, он думал о самолёте. Его занимало всё: устройство крыльев, работа двигателя, поведение машины на взлёте и то странное мгновение, когда колёса перестают касаться земли. Но сильнее всего его волновала сама возможность полёта. Он словно обнаружил за привычными границами мира ещё один мир, существование которого прежде чувствовал лишь смутно.

Вечером мать заметила, что сын необычайно задумчив.

— Ну, рассказывай, — сказала она, когда они остались вдвоём. — Ты увидел свои самолёты?

— Да.

— И что же?

Антуан уселся напротив неё и принялся рассказывать. Он говорил быстро, перескакивал с одного события на другое, возвращался к деталям, которые казались ему особенно важными, и снова описывал, как машина двигалась по земле, как заработал двигатель и как самолёт наконец поднялся в воздух.

Мария слушала внимательно, не перебивая. Она видела, что сын пережил нечто большее, чем обычное детское приключение.

— Значит, ты теперь непременно станешь лётчиком? — спросила она, когда он закончил.

Антуан посмотрел на неё с удивлением.

— А разве можно после такого не захотеть летать?

— Можно захотеть многого, Тонино. Но между желанием и решением иногда лежит целая жизнь.

— Я знаю.

— Нет, пока ты только начинаешь узнавать. И это хорошо.

Он задумался, а потом спросил:

— Мама, ты когда-нибудь боялась чего-нибудь настолько сильно, что всё равно должна была это сделать?

Мария не ответила сразу. Вопрос оказался неожиданным. Она посмотрела на сына и увидела в нём не только ребёнка, который был восхищён самолётом, но и человека, пытавшегося нащупать границу между страхом и решимостью.

— Да, — сказала она наконец. — Такое бывает.

— И что тогда нужно делать?

— Сначала понять, действительно ли это необходимо. А если необходимо, постараться сделать всё, что от тебя зависит.

— Даже если страшно?

— Особенно тогда, когда страшно.

Антуан некоторое время молчал.

— Тогда я хочу научиться.

Мария провела рукой по его волосам.

— Учиться придётся долго, мой мальчик.

— Я не боюсь.

— Ты ещё не знаешь, чего именно тебе предстоит бояться.

Он хотел возразить, но не нашёл подходящих слов. Мать не отговаривала его от мечты, не смеялась над его восторгом и не пыталась убедить, что существуют занятия более разумные и безопасные. Она лишь напоминала ему о том, что всякая мечта требует зрелости, а зрелость не приходит в один день.

В ту ночь Антуан долго не мог уснуть. Перед глазами снова и снова возникал самолёт, медленно катившийся по земле, затем ускорявшийся и наконец поднимающийся над полем. Он представлял себя на месте пилота, пытался вообразить, что увидел бы с высоты, как выглядели бы дороги, реки и дома, если смотреть на них из открытой кабины.

Но постепенно воображение уступило место другому чувству. Он понял, что хочет не просто однажды оказаться в воздухе. Ему хотелось знать, как всё устроено, почему одни машины летят лучше других, как человек учится управлять ими и каким образом можно превратить опасное занятие в профессию.

Это было уже не только восхищение. В нём зарождалась потребность постичь предмет своей мечты.

В последующие дни он возвращался к рисункам, пытался точнее изображать крылья и корпус самолёта, расспрашивал о двигателях и искал новые сведения об авиации. Он ещё не мог знать, сколько времени отделяет его от первого настоящего полёта и сколько испытаний окажется связано с избранной дорогой. Но теперь между ним и небом существовала не одна лишь фантазия.

У него появилось воспоминание.

Иногда именно так и начинается призвание. Не с торжественного решения, не с обещания, данного самому себе, и даже не с первого успеха, а с минуты, когда человек видит то, что прежде существовало лишь в его воображении. Он может забыть отдельные слова, перепутать подробности, со временем иначе оценить пережитое, но первоначальное потрясение остаётся с ним и постепенно превращается в направление движения.

Для Антуана это летнее знакомство с авиацией стало одним из таких мгновений.

Он ещё не был лётчиком. Он не знал пустыни, не переживал аварий, не испытывал одиночества на больших высотах и не представлял, что однажды его жизнь окажется тесно связана с войной. Он был двенадцатилетним мальчиком, который увидел, как самолёт отрывается от земли, и понял, что человеческие возможности гораздо шире привычного опыта.

Небо больше не было только пространством над крышей дома, над деревьями и полями. Оно стало дорогой, на которую можно было вступить, если обладать знаниями, выдержкой и мужеством.

А на земле оставался дом, где его ждала мать, где сестра Симона продолжала задавать неудобные вопросы и где впереди было ещё множество дней, в течение которых мечта должна была пройти первое, самое трудное испытание: превратиться из желания в дело.

Антуан пока не знал, что эта дорога однажды приведёт его к славе, книгам и войне. Он не мог представить, сколько раз ему придётся сомневаться в себе и как часто судьба будет заставлять его выбирать между безопасностью и тем, что он считал своим долгом.

Так он сделал первый шаг к небу — не поднявшись в воздух, а решив, что однажды научится летать.

Глава 3. Радость и первая утрата

В доме, где рос Антуан, детские голоса редко надолго уступали место тишине. Пятеро детей умели превратить в событие даже самый обыкновенный день. Стоило одному предложить игру, как остальные немедленно находили в ней собственные правила; стоило кому-нибудь затеять спор, как через несколько минут к нему присоединялись все, кто находился поблизости. Старшие пытались распоряжаться младшими, младшие не желали признавать старшинства, а примирения порой происходили так же внезапно, как и ссоры.

Антуан особенно не любил проигрывать, если считал, что прав. В таких случаях он мог долго доказывать свою точку зрения, возвращаться к подробностям и приводить новые доводы, даже когда остальные уже потеряли интерес к спору.

— Ты опять всё усложняешь, Тонино, — говорила ему Симона.

— Я ничего не усложняю. Я хочу, чтобы было правильно.

— А кто сказал, что правильно именно так, как ты думаешь?

— Потому что иначе не получается.

— У тебя никогда не получается иначе, — заключала она и уходила, оставляя брата наедине с его убеждениями.

Антуан сердился, но ненадолго. Через некоторое время он находил Симону и предлагал ей посмотреть новый рисунок или принять участие в очередном предприятии, которое казалось ему чрезвычайно важным. В детстве обиды ещё не успевают обрасти тяжёлыми воспоминаниями. Они возникают стремительно, занимают всё внимание, а затем отступают перед новым впечатлением.

В этом мире мать оставалась центром, вокруг которого складывалась повседневная жизнь семьи. Мария умела быть ласковой, но не позволяла детям забывать о необходимых обязанностях. Она следила за их воспитанием, заботилась об учёбе и старалась развивать в них интерес к музыке, искусству и литературе. Её собственная жизнь не ограничивалась домашними делами: она была человеком с широкими культурными интересами и тонким художественным чувством.

Антуан любил находиться рядом с ней. Иногда ему было достаточно сидеть неподалёку, пока она занималась своими делами. Он мог рисовать, рассматривать книги или задавать вопросы, на которые не всегда требовалось немедленно отвечать. Присутствие матери давало ему то спокойствие, которое ребёнок редко осознаёт, пока оно существует.

Но семейная история Антуана началась не только с радости. В ней была утрата, случившаяся настолько рано, что память мальчика не могла сохранить её во всех подробностях.

Его отец, граф Жан де Сент-Экзюпери, умер в 1904 году, когда Антуану было около четырёх лет. Он не успел стать для сына тем взрослым человеком, которого мальчик мог бы хорошо узнать, с которым мог бы спорить, советоваться и постепенно открывать для себя сложность отцовского характера. Между ними осталось слишком мало совместно прожитого времени, чтобы позднее можно было уверенно восстановить внутренний мир ребёнка в дни этой потери.

Однако смерть отца изменила жизнь всей семьи. И даже если маленький Антуан не мог осмыслить случившееся так, как осмыслил бы его взрослый человек, он рос уже в мире, где отсутствие отца было частью семейной действительности.

Однажды в Сен-Морис-де-Реман, в доме, наполненном привычными звуками и движением, всё, казалось, шло своим чередом. За окнами шумели деревья, в комнатах занимались своими делами взрослые, дети то и дело появлялись в дверях, что-то спрашивали и снова убежали. Время не останавливалось ради человеческого горя. Оно продолжало двигаться, хотя для кого-то из взрослых каждый новый день мог требовать усилия, о котором окружающие даже не догадывались.

Антуан ещё не понимал, почему некоторые вопросы лучше не задавать в неподходящий момент, почему взрослые иногда замолкают, услышав имя умершего, и почему в разговоре о прошлом может возникнуть такая тишина, словно кто-то незримо вошёл в комнату.

Детская любознательность не знает правил приличия. Ребёнок спрашивает не потому, что хочет причинить боль, а потому, что не умеет жить с неизвестностью. Если он замечает, что взрослые обходят какую-то тему, это лишь усиливает его желание узнать, что скрывается за молчанием.

Для Марии это была не отвлечённая задача воспитания. Она сама пережила потерю мужа и теперь должна была продолжать жить ради детей. Пятеро детей нуждались в ней каждый день, независимо от того, насколько тяжёлым оказывалось её собственное настроение. Им требовались внимание, образование, забота и уверенность в том, что мир, несмотря на случившееся, остаётся пригодным для жизни.

Горе не отменяет обязанностей. Иногда именно обязанности не позволяют человеку окончательно подчиниться горю.

Мария не могла вернуть детям отца, но могла сохранить для них семейный мир, в котором любовь не исчезала вместе с умершим. Она могла рассказывать о прошлом, поддерживать отношения с родными, заботиться о будущем детей и приучать их к мысли, что жизнь требует участия даже тогда, когда сердце не готово к новым усилиям.

Ей приходилось быть одновременно матерью и человеком, который сам нуждался в утешении. В этом заключалась одна из трудностей её положения: детям необходима была опора, но они не всегда могли понять, что опора тоже может уставать.

Взрослые нередко считают, что ребёнок мало замечает. Между тем дети прекрасно чувствуют перемены, хотя и не умеют объяснить их словами. Они замечают интонации, взгляды, внезапную сдержанность, изменения в привычном распорядке. Им не обязательно знать причину тревоги, чтобы почувствовать её присутствие.

Антуан рос среди людей, которые любили его, но эта любовь не могла полностью оградить его от реальности. Рано или поздно каждый ребёнок обнаруживает, что мир не всегда исполняет желания и что даже самые близкие люди не обладают властью над всем происходящим.

Для одного такое открытие становится поводом замкнуться в себе. Другой пытается преодолеть его деятельностью, стремясь как можно больше узнать, сделать или испытать. В случае Антуана было бы неправильно объяснять его будущую судьбу одной ранней утратой. Он станет лётчиком не только потому, что потерял отца, и напишет свои книги не только потому, что в детстве научился замечать печаль взрослых. Его характер будет формироваться под влиянием множества встреч, обстоятельств и собственных решений.

Но утрата отца принадлежала к тем обстоятельствам, которые невозможно исключить из истории его детства.

В последующие годы рядом с Антуаном будут люди, способные стать для него наставниками, друзьями и товарищами. Некоторые из них научат его ремеслу, другие помогут понять человеческие отношения, третьи станут спутниками в опасных путешествиях. И всякий раз ему придётся открывать заново, что значит доверять другому человеку и принимать ответственность за него.

Эта тема позднее приобретёт в его произведениях особую глубину. В «Планете людей» он будет говорить о товариществе не как о приятном дополнении к жизни, а как о нравственной связи, проверяемой в опасности. В «Маленьком принце» любовь потребует времени, заботы и готовности отвечать за того, кого приручил. В этих книгах не будет простого обещания, что близость избавляет человека от страданий. Напротив, именно близость делает потерю возможной и потому придаёт отношениям особую ценность.

Однако в детстве подобные истины не приходят в виде законченных мыслей. Ребёнок не размышляет о философии привязанности, когда ищет мать в соседней комнате или ждёт

возвращения сестры с прогулки. Он просто живёт, и в этой жизни постепенно складываются его представления о том, что такое дом, любовь и безопасность.

Возможно, поэтому воспоминания о детстве у многих людей сохраняют такую силу. Они возвращают нас к времени, когда важнейшие вещи ещё не требовали объяснений. Дом был местом, куда возвращались. Мать была человеком, к которому обращались за помощью. Радость возникала из простых событий, а горе казалось непонятным вторжением в естественный порядок жизни.

С годами человек узнаёт, что этот порядок никогда не был незыблемым. Но он может сохранить в себе первоначальное чувство близости и превратить его в способность заботиться о других.

Мария, продолжая воспитывать детей после смерти мужа, ежедневно совершала именно такую работу. Она не могла знать, какие испытания ждут каждого из них. Ей оставалось делать то, что было в её силах: помогать им расти, учиться, развивать способности и не терять интереса к жизни.

Антуан особенно рано обнаружил в себе стремление выходить за пределы привычного. Его интересовали механизмы, рисунки, необычные рассказы и всё, что позволяло представить другой способ существования. Он мог увлечься какой-нибудь идеей с такой силой, что переставал замечать окружающих. Но за этой увлечённостью скрывалась не только фантазия. Ему хотелось понять, как устроен мир и каким образом человек может действовать в нём самостоятельно.

В этом отношении мечта о полёте постепенно приобретала для него значение, выходящее за рамки детского увлечения. Самолёт был машиной, созданной людьми, а значит, его устройство можно было изучать, его поведение — понимать, а управление им — осваивать. Перед Антуаном открывалась возможность не просто восхищаться неизвестным, но и приближаться к нему посредством знания и труда.

И всё же у любой мечты есть цена, которую невозможно оценить заранее. Позднее Антуан узнает, что полёт требует дисциплины, что мужество не освобождает от страха, а стремление к свободе не отменяет обязательств перед другими. Ему придётся понять, что человек не становится сильнее только потому, что отказывается признавать собственную уязвимость.

Пока эти испытания оставались в будущем. В детстве ему ещё предстояло учиться, спорить с сестрой, радоваться открытиям и искать ответы на вопросы, которые порой раздражали взрослых. Его мир не был свободен от печали, но печаль не занимала в нём всего пространства.

И, быть может, это самое важное в истории ранней утраты: она не превратила детство Антуана в бесконечный траур. Он продолжал расти, смеяться, мечтать и увлекаться новыми занятиями. Память об отце не могла заменить живого общения с ним, но отсутствие не лишило мальчика способности радоваться жизни.

Смерть близкого человека оставляет пустое место, которое невозможно заполнить другим человеком в точности. Но жизнь не требует, чтобы человек навсегда остановился перед этой пустотой. Она требует другого: научиться жить дальше, сохраняя память и не превращая её в отказ от будущего.

В доме Марии де Сент-Экзюпери дети продолжали взрослеть. Менялись времена года, появлялись новые интересы, приходили и уходили гости. За семейными разговорами, занятиями музыкой, книгами и детскими играми постепенно формировался человек, которому предстояло провести значительную часть жизни вдали от дома.

Он ещё не знал, насколько часто ему придётся прощаться. Не знал, что однажды будет смотреть на землю с высоты нескольких тысяч метров, что переживёт аварии и окажется перед лицом смерти. Не знал, что ему предстоит покинуть Францию и испытать одиночество изгнания, когда родина останется по другую сторону океана.

Но он уже жил в мире, где любовь и утрата неразрывно связаны. Одно делает человека уязвимым перед другим, а другое напоминает, почему эта уязвимость не является слабостью.

Возможно, позднее, когда Антуан научится говорить о человеческой ответственности, он сможет выразить эту мысль яснее, чем позволял его детский опыт. Но её истоки следует искать не в готовых философских формулах, а в обыкновенной семейной жизни, где мать продолжала заботиться о детях, а дети продолжали расти, несмотря на отсутствие отца.

Жизнь не дала Антуану возможности узнать своего отца так, как узнают его сыновья, взрослеющие рядом с ним. Это было частью его судьбы, которую невозможно изменить задним числом. Но рядом с ним оставалась мать, и именно её забота, её стойкость и её отношение к миру стали важной частью той почвы, на которой формировался его характер.

Впереди его ждало новое открытие — мир авиации, в котором мечта могла обрести крылья, но где каждое решение требовало знаний и ответственности.

И Антуан постепенно приближался к нему, ещё не понимая, что однажды небо станет для него не только пространством свободы, но и местом, где особенно остро ощущается ценность человеческой жизни.

Глава 4. Юность и выбор пути

В тот год Антуан впервые почувствовал, что детство не заканчивается в один определённый день. Оно отступает постепенно, словно вода после шторма, обнажая на берегу вещи, которых прежде не замечал. Привычные комнаты становились теснее, разговоры взрослых — понятнее, а вопросы, которые ещё недавно казались далёкими, всё настойчивее требовали ответа.

В колледже Нотр-Дам-де-Сент-Круа, в Ле-Мане, жизнь подчинялась строгому расписанию. Уроки, молитвы, занятия, надзор преподавателей — всё имело своё время и своё место. Здесь ценили прилежание, уважение к установленным правилам и способность доводить начатое до конца. Антуан умел быть старательным, когда предмет действительно его увлекал, но не всегда понимал, почему следует отдавать одинаковые силы всему, что предлагали ему изучать.

Однажды преподаватель, проверяя письменные работы, задержал его тетрадь дольше остальных.

— Сент-Экзюпери, вы опять отвлекались от темы.

Антуан поднялся.

— Я не думал, что отвлекался, месье.

— Тогда тем хуже. Вы уходите от поставленного вопроса и начинаете рассуждать о том, о чём вас не спрашивали.

— Но разве это всегда ошибка?

Несколько учеников подняли головы. Преподаватель снял очки и посмотрел на него поверх тетради.

— На экзамене, молодой человек, отвечают на заданный вопрос.

— А если сам вопрос поставлен неправильно?

Теперь в классе стало совсем тихо. Антуан и сам почувствовал, что зашёл слишком далеко, но отступать ему не хотелось.

— Вы собираетесь переучить экзаменационную комиссию? — спросил преподаватель.

— Нет, месье. Я только хотел бы понять, почему нельзя проверить, верен ли вопрос.

Учитель вернул ему тетрадь.

— Сначала научитесь отвечать правильно. Потом, если останется время, будете спорить с миром.

После урока один из товарищей догнал Антуана в коридоре.

— Ты когда-нибудь научишься держать язык за зубами?

— Надеюсь, нет.

— Тебя же могли оставить после занятий.

— Тогда я получил бы ещё один урок.

— Ты смеёшься, а твоя мать, наверное, не смеётся, когда узнаёт о таких историях.

Улыбка Антуана исчезла. Он не любил, когда разговоры о нём самом неожиданно переходили к матери. Ей и без того приходилось нести слишком многое. После смерти мужа Мария де Сент-Экзюпери стала для детей и опорой, и защитой, и человеком, которому они могли доверить то, чего не решались сказать другим. Антуан рано привык замечать её усталость и старался не прибавлять ей тревог, хотя далеко не всегда умел выполнить собственное обещание.

В тот вечер он долго сидел над учебниками, а затем отодвинул их и достал бумагу. Сначала нарисовал несколько линий, потом маленькую фигуру человека, потом крыло, которое почему-то получилось слишком большим. Он перечеркнул рисунок и начал заново.

Ему нравилось создавать вещи, которых ещё не существовало. Иногда он сочинял истории, иногда рисовал, иногда придумывал необычные механизмы, в которых соединялись фан-

тазия и желание разобраться, как устроен мир. Он не считал это серьёзным занятием. Скорее, это было тайное пространство, куда никто не мог войти без его разрешения.

Но чем ближе становилось окончание учёбы, тем чаще ему приходилось думать о будущем не как о пространстве возможностей, а как о выборе, за который придётся отвечать.

В 1917 году Антуан готовился к вступительным экзаменам в военно-морское училище. Решение не было случайным. Его влекли море, корабли, дальние путешествия, сама мысль о профессии, в которой человеку приходилось бывать вдали от привычного мира и полагаться на собственные знания и выдержку. Море представлялось ему родственником неба: обе стихии не терпели легкомыслия, обе открывали перед человеком бесконечность и обе могли в одно мгновение напомнить ему о собственной беспомощности.

Однажды за семейным столом разговор снова вернулся к экзаменам.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросила мать.

Антуан отложил вилку.

— Я хочу узнать, на что способен.

— Это не совсем ответ.

— Другого у меня пока нет.

Мария внимательно посмотрела на сына. Она не стремилась решать за него, но знала, что молодой человек может принять порыв за призвание, а красивую мечту — за готовую судьбу.

— Военно-морское училище потребует от тебя многого, — сказала она. — Ты должен понимать, что это не путешествие, которое можно прервать, если тебе наскучит.

— Я понимаю.

— А если не поступишь?

Антуан чуть пожал плечами, стараясь придать своему ответу лёгкость.

— Тогда придётся придумать что-нибудь другое.

— Ты говоришь так, словно жизнь всегда обязана предлагать тебе следующий выход.

— А разве нет?

Мать улыбнулась, но в её улыбке была печаль.

— Нет, Тонино. Иногда дверь закрывается. И тогда нужно самому искать другую.

Он хотел возразить, однако промолчал. Ему казалось несправедливым, что взрослые так часто говорят о закрытых дверях, будто уже заранее знают, сколько их окажется на пути. Он ещё не умел объяснить, что его пугала не неудача сама по себе, а возможность однажды прожить чужую жизнь, даже не заметив, в какой момент согласился на это.

Экзамены оказались труднее, чем он рассчитывал. Он не смог пройти письменную часть вступительных испытаний в военно-морское училище. Несколько недель ожидания закончились коротким известием, которое не оставляло места для толкований.

Антуан перечитал его дважды. Затем аккуратно сложил лист и убрал в ящик стола.

В тот день ему не хотелось ни рисовать, ни писать. Он вышел из дома и долго ходил по улицам, почти не замечая прохожих. Ему казалось, что окружающие должны каким-то образом видеть его неудачу, хотя никто, разумеется, ничего не знал. Он сердился на экзаменаторов, на собственные ошибки, на обстоятельства, но сильнее всего — на себя за то, что заранее представлял будущее слишком ясным.

Вечером мать нашла его в комнате.

— Ты уже знаешь результат?

— Да.

Она не стала спрашивать, что произошло. По его лицу всё было понятно.

— Мне жаль, — сказала она.

— Мне тоже.

— Ты ведь можешь попробовать снова или выбрать другое направление.

— Все говорят, что нужно выбрать другое направление.

— А ты чего хочешь?

Он резко поднял голову.

— Если бы я знал, разве сидел бы здесь?

Мария замолчала. Антуан тут же пожалел о своих словах, но не нашёл сил извиниться. Он видел, как мать устала, и всё же не мог вынести её спокойствия. Ему хотелось, чтобы она рассердилась, потребовала от него немедленно собраться, сказала что-нибудь резкое. Тогда можно было бы спорить. Её же терпение оставляло его наедине с собой.

Она подошла к столу и поправила лежавшую на нём бумагу.

— Не нужно сегодня решать всю жизнь, — произнесла она. — Но и не превращай неудачу в доказательство того, что ты ни на что не способен.

— А если я действительно не знаю, к чему способен?

— Тогда узнавай. Только не жди, что это произойдёт само собой.

Когда она вышла, Антуан снова достал письмо. Он развернул его, посмотрел на несколько сухих строк и впервые подумал, что поражение может быть не только концом замысла. Оно может оказаться началом, если человек найдёт в себе достаточно честности, чтобы не притворяться, будто ничего не произошло.

Однако честность не избавляла от необходимости выбирать.

Вскоре перед ним открылся другой путь. Антуан отправился в Париж и в 1917 году поступил в подготовительное учебное заведение, связанное с изучением точных дисциплин, которые могли пригодиться для дальнейшего образования. Он продолжал искать профессию, способную соединить его интерес к устройству мира с тягой к свободе. Но ни одна из возможностей не казалась окончательной.

Париж ошеломил его не великолепием, а количеством чужих жизней, теснившихся рядом. Здесь люди спешили, спорили, заключали сделки, влюблялись, теряли деньги и надежды. Каждый куда-то направлялся, словно все заранее знали, где находится нужная дверь. Антуан же всё ещё прислушивался к себе, пытаясь понять, откуда приходит его собственное желание двигаться вперёд.

Он наблюдал за строителями, которые поднимали стены новых домов, и мог подолгу рассматривать сложные конструкции мостов. В архитектуре его привлекало не только внешнее очарование зданий. Ему нравилась мысль о том, что человеческий замысел способен обрести материальную форму, что точный расчёт может удержать над землёй тяжёлую конструкцию и что красота иногда рождается из строгого подчинения законам природы.

В 1920 году он поступил в Школу изящных искусств, где занимался архитектурой. На какое-то время ему показалось, что он наконец приблизился к ответу. Здесь можно было рисовать, изучать форму, думать о пространстве и о том, как человек обживает созданный им мир.

Но и здесь Антуан не чувствовал себя вполне на своём месте. Архитектура требовала терпения, последовательности и готовности годами развивать мастерство в пределах избранной профессии. Он уважал эту работу, но не мог убедить себя, что именно ей должен посвятить жизнь. Его занимали не только здания, но и люди, которые входили в них, покидали их, отправлялись в дорогу, возвращались или исчезали навсегда.

Однажды он встретил знакомого студента, который нёс под мышкой большой свёрток чертежей.

— Ты закончил проект? — спросил тот.

— Почти.

— У тебя всегда почти. Когда-нибудь нужно будет поставить последнюю линию.

— Возможно.

— Ты не похож на человека, который собирается стать архитектором.

Антуан засмеялся.

— А на кого я похож?

Студент задумался.

— На человека, которому всё время нужно куда-то отправляться.

— Это ещё не профессия.

— Пока нет.

Они расстались у лестницы. Антуан продолжил подниматься, но слова товарища не выходили у него из головы. Он действительно не мог оставаться неподвижным, когда чувствовал, что за пределами привычного пространства происходит нечто важное. Ему хотелось увидеть мир не через чужие рассказы и не с безопасного расстояния, а самому оказаться внутри событий.

Однако он не собирался отказываться от книг и рисунков. Напротив, чем больше он наблюдал, тем сильнее понимал, что внешний мир не исчерпывается тем, что можно измерить или увидеть. За поступками людей скрывались страхи, привязанности, надежды и решения, которые редко объяснялись одним-единственным мотивом. Возможно, именно поэтому его так занимали и технические задачи, и человеческие истории. Он искал не просто дорогу, а способ понять, ради чего человек отправляется в путь и что заставляет его продолжать движение, когда возвращение кажется самым разумным решением.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся соединить в себе инженера, лётчика и писателя. Пока эти способности существовали отдельно, словно несколько дорог, уходящих от одного перекрёстка. Он пробовал идти по каждой, но ни одна не приводила к окончательному ответу.

В письмах матери он старался говорить о будущем спокойно. Не хотел, чтобы она думала, будто её сын потерял направление. Но иногда, оставшись один, он задавал себе вопрос, который не решался произнести вслух: что, если призвание невозможно выбрать так же, как выбирают учебное заведение или профессию? Что, если оно обнаруживает себя лишь тогда, когда человек оказывается перед необходимостью поступить определённым образом?

Пока ответа не было.

Впереди лежали новые годы, новые встречи и новые испытания. Война уже меняла Европу, техника стремительно преображала представление о расстояниях, а самолёт, ещё недавно казавшийся чудом, постепенно становился частью повседневной жизни. Антуан следил за этим с особенным вниманием. В небе он видел не обещание лёгкого освобождения от земных забот, а возможность выйти навстречу миру, где нельзя было полагаться только на привычки и готовые ответы.

Он ещё не стал лётчиком. Он даже не знал, когда именно снова окажется рядом с самолётом и какую цену однажды заплатит за право подняться в воздух. Но прежнее поражение уже не казалось ему окончательным приговором.

Однажды вечером он открыл чистую страницу и начал писать. Сначала слова давались трудно, затем предложения стали складываться одно за другим. Он писал не для преподавателя и не ради оценки. Ему хотелось удержать мысль, которая возникла в течение дня и не давала ему покоя. Закончив, он перечитал написанное и не стал выбрасывать лист, хотя текст казался ему несовершенным.

Возможно, он впервые понял, что не обязан заранее знать, к чему приведёт каждый его шаг. Достаточно было не обманывать себя и продолжать искать.

За окном шумел Париж. Где-то в темноте проходил поезд, и его далёкий гудок напоминал о дорогах, которые пересекали страну, соединяя незнакомые города и человеческие судьбы. Антуан подошёл к окну и посмотрел на небо между крышами.

Он ещё не знал своего пути. Но уже не мог согласиться на жизнь, в которой путь за него выбрал бы кто-то другой.

Глава 5. Человек получает крылья

Впервые после долгих месяцев неопределённости Антуан почувствовал, что жизнь снова предлагает ему дорогу, по которой можно идти не только в воображении.

Это произошло не внезапно. Между юношеской мечтой и настоящим полётом лежали годы сомнений, учёбы, случайных встреч и решений, которые со стороны могли показаться незначительными. Самолёт давно перестал быть для него одним лишь чудом, увиденным в детстве. Теперь он хотел понять, как устроена эта машина, почему она удерживается в воздухе и что должен знать человек, прежде чем доверить ей собственную жизнь.

Но одного желания было недостаточно. Чтобы стать лётчиком, предстояло пройти обучение, подчиниться дисциплине и научиться отвечать не только за себя, но и за тех, кто однажды окажется рядом.

В 1921 году Антуан был призван на военную службу. Служить ему предстояло в авиации, и это обстоятельство изменило направление его жизни. До того небо оставалось пространством мечты, теперь оно становилось местом работы, где ошибка могла иметь последствия, не оставлявшие времени для сожалений.

В первые дни службы он старался не выдавать своего волнения. Вокруг были люди, для которых самолёт уже не представлял загадки. Они говорили о двигателях, неисправностях, правилах полёта и погоде так же буднично, как другие люди обсуждают дорогу на работу. Для них машина была прежде всего механизмом, требующим внимания и умения. Для Антуана она пока сохраняла нечто большее.

На аэродроме пахло бензином, горячим металлом и пылью. Механики работали у открытых капотов, перебрасываясь короткими замечаниями. В стороне стоял учебный самолёт, и ветер едва заметно шевелил ткань на его крыльях.

Антуан остановился возле машины.

— Первый раз видите? — спросил его механик, не отрываясь от работы.

— Нет.

— Тогда почему смотрите так, словно собираетесь попросить у него разрешения взлететь?

Антуан улыбнулся.

— Может быть, я как раз пытаюсь понять, на что он способен.

Механик выпрямился, вытер ладони о ветошь и окинул юношу взглядом.

— Самолёт способен на многое. Но сначала нужно выяснить, на что способны вы.

— Справедливо.

— Здесь все так говорят в первый день.

— А что говорят потом?

— Потом обычно меньше разговаривают и больше слушают.

Механик снова занялся двигателем. Антуан не обиделся. Напротив, ему понравился этот ответ. В нём не было ни восхищения авиацией, ни презрения к новичку, только привычное уважение к делу, которое не прощало легкомыслия.

Вскоре он узнал, что одной смелости недостаточно. Самолёт не подчинялся красивым словам и не делал скидок на искренность намерений. Нужно было понимать устройство машины, чувствовать её поведение, замечать малейшие изменения в работе двигателя и помнить, что небо не обязано исправлять ошибки человека.

Первые занятия требовали от него терпения. Иногда он возвращался к одному и тому же вопросу несколько раз, пока не находил объяснение, которое удовлетворяло его не только формально. Инструкторы не всегда разделяли его любопытство.

— Вам нужно выполнить указание, Сент-Экзюпери, а не искать в нём философский смысл, — однажды заметил один из них.

— Я стараюсь понять, почему нужно поступать именно так.

— Потому что иначе можно разбиться.

— Это я понимаю.

— Нет, пока ещё не понимаете. Когда поймёте по-настоящему, вопросов станет меньше.

Эти слова задели Антуана, но он не стал спорить. Он уже знал, что человек, который хочет научиться чему-то серьёзному, должен уметь отличать полезное замечание от простого желания поставить его на место.

Он начал наблюдать за опытными пилотами. Его интересовало не только то, как они управляли самолётом, но и то, как готовились к полёту. Один проверял приборы в определённой последовательности, другой перед вылетом почти не разговаривал, третий внимательно осматривал крылья и крепления, словно пытался обнаружить неисправность раньше, чем она сама даст о себе знать.

Постепенно Антуан понял, что профессиональное мастерство складывается из множества действий, которые по отдельности кажутся незначительными. Настоящий пилот не обязательно выглядел героем. Чаще он был человеком, который не позволял себе забывать о мелочах.

В авиации это имело особое значение. На земле ошибку иногда можно было исправить, вернуться назад или попросить помощи. В воздухе возможности были ограничены. Там человек оставался наедине с машиной, погодой и собственными решениями, а последствия промедления могли наступить раньше, чем он успевал осознать опасность.

Однажды Антуан получил возможность подняться в воздух в учебном порядке. Перед вылетом он старался выглядеть спокойным, хотя сердце билось сильнее обычного. Инструктор проверил приготовления, занял своё место и коротко объяснил, что будет делать ученик.

— Слушайте внимательно. Не торопитесь. Если не уверены, не пытайтесь скрыть это за резким движением.

— Понял.

— Повторите.

Антуан повторил указания, и инструктор кивнул.

Когда самолёт начал разбег, привычный мир словно отступил. Земля оставалась рядом, но уже переставала быть единственной опорой. Машина дрожала, двигатель ревел, поток воздуха усиливался. Затем произошло то, ради чего Антуан столько лет смотрел в небо: самолёт оторвался от земли.

Он не почувствовал мгновенного торжества, которого мог бы ожидать от себя. Первым пришло напряжённое внимание. Нужно было следить за машиной, слышать инструктора, выполнять указания и не позволять волнению подменять точность. Земля постепенно удалялась, и вместе с этим менялось ощущение расстояния. Дороги становились тонкими линиями, дома — небольшими пятнами, а знакомые ориентиры теряли прежнюю величину.

— Не смотрите только вниз, — сказал инструктор. — Следите за направлением.

Антуан перевёл взгляд вперёд.

— Так лучше?

— Пока лучше. Но не радуйтесь раньше времени.

— Я и не собирался.

— Вот и прекрасно.

В голосе инструктора прозвучало нечто похожее на усмешку. Антуан почувствовал, что напряжение немного ослабло, и сосредоточился на управлении.

Полёт оказался короче, чем ему хотелось, и сложнее, чем он представлял. Когда самолёт снова коснулся земли, Антуан не сразу заговорил. Он вышел из машины и некоторое время стоял рядом, ощущая, как постепенно возвращается привычная твёрдость под ногами.

Инструктор снял шлем.

— Ну что, Сент-Экзюпери?

— Я хочу ещё раз.

— Это не ответ на мой вопрос.

Антуан посмотрел на самолёт.

— Я думал, что главное — подняться в воздух. Но главное, кажется, совсем другое.

— И что же?

— Научиться возвращаться.

Инструктор внимательно посмотрел на него. Возможно, он ожидал услышать восторженные слова о высоте, скорости или свободе. Вместо этого молодой человек говорил о возвращении.

— Запомните это, — сказал он. — В авиации хороший полёт заканчивается не тогда, когда вы увидели что-то необыкновенное, а тогда, когда вы благополучно вернулись и можете рассказать об увиденном.

Антуан кивнул. Он ещё не знал, сколько раз ему предстоит вспоминать эти слова.

В тот вечер он написал матери. Рассказал о службе, о первых занятиях и о том, что ему удалось подняться в воздух. Он старался не преувеличивать свои успехи, но за спокойными фразами скрывалось чувство, которое трудно было передать письменно. Ему хотелось, чтобы мать поняла: он не просто нашёл новое занятие. Он впервые приблизился к делу, в котором его любопытство, любовь к технике и потребность самому проверять границы возможного могли соединиться.

Мария, получив письмо, перечитала его несколько раз. Она знала, что сын способен увлечься до самозабвения, и потому радовалась его успеху с тревогой, которую не хотела превращать в запреты. Она уже понимала: удержать Антуана от опасного пути одними предостережениями невозможно. Оставалось надеяться, что он научится отличать мужество от беспечности.

Сам Антуан пока не думал о будущем столь серьёзно. Ему хотелось учиться, летать, разбираться в устройстве самолётов и узнавать людей, чья жизнь была связана с небом. Он чувствовал, что перед ним открывается мир, в котором многое ещё предстояло испытать самому.

Но вместе с первым настоящим полётом пришло и другое понимание. Небо не делало человека свободным автоматически. Оно лишь давало ему возможность действовать, а свобода начиналась там, где он принимал ответственность за собственный выбор.

Антуан ещё не был тем лётчиком, которому однажды предстояло пересекать пустыни и моря, доставлять почту через опасные маршруты и писать о человеческом одиночестве среди бескрайнего пространства. Он только учился. Он мог ошибаться, сомневаться, сердиться на наставников и радоваться каждой маленькой победе.

И всё же теперь у его мечты появились крылья не только в воображении. Она обрела вес, двигатель, приборы и строгие правила. Отныне, чтобы подняться в воздух, ему предстояло не просто смотреть вверх, но и каждый день доказывать, что он достоин доверить небу свою жизнь.

А это было лишь начало.

ЧАСТЬ

II

. ДОРОГИ МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

Глава 6. Профессия, которой ещё учится мир

Страсбург встретил Антуана весной 1921 года ветром, сыростью и непривычной армейской строгостью. Здесь, во втором авиационном полку, он оказался не среди романтических героев неба, а среди солдат, механиков и офицеров, для которых самолёт был прежде всего машиной, требовавшей постоянного ухода.

Он поступил на службу девятого апреля и оказался в подразделении авиационных рабочих. До самостоятельного управления самолётом было ещё далеко. Сначала следовало привыкнуть к казарменному распорядку, научиться выполнять приказы без лишних вопросов и понять, что авиация держится не только на тех, кто поднимается в воздух, но и на тех, кто готовит машину к полёту.

Антуан не считал эту работу унизительной. Ему хотелось летать, но он понимал, что небо не откроется перед ним только потому, что он этого желает. Приходилось начинать с того, что поручали.

На аэродроме его дни проходили среди инструментов, деталей и запаха топлива. Он наблюдал, как механики проверяли двигатели, осматривали крепления, устраняли неисправности и спорили о причинах неполадок. В этих разговорах не было места отвлечённым рассуждениям: каждый должен был обосновать своё мнение делом.

Однажды молодой солдат, работавший неподалёку, раздражённо бросил ключ на верстак.

— Сколько можно возиться с одной и той же деталью? Она выглядит совершенно исправной.

Старший механик даже не поднял головы.

— Если ты научился определять исправность по внешнему виду, можешь сразу проситься в штаб. Там, возможно, оценят твою уверенность.

Несколько человек засмеялись.

— Я говорю серьёзно, — возразил солдат.

— Именно это меня и беспокоит, — ответил механик.

Антуан тоже улыбнулся, но слова запомнил. Внешнее сходство с исправностью ещё не означало, что механизм выдержит нагрузку. Это относилось не только к самолётам. Человек мог казаться уверенным, пока обстоятельства не требовали от него настоящего усилия.

Постепенно Антуан освоился в полку. Он занимался физической подготовкой, играл с товарищами в футбол, участвовал в обычных солдатских делах и старался не выделяться там, где от него требовалось просто выполнять свою работу. Но всякий раз, когда появлялась возможность приблизиться к самолётам, его внимание оживлялось.

Он узнал, что на аэродроме можно брать частные уроки пилотирования. Это означало дополнительные расходы, а значит, без помощи матери осуществить задуманное было трудно. Антуан написал ей, объяснил свои намерения и попросил разрешения оплатить обучение.

Ожидание ответа оказалось мучительным. Он не сомневался в своём желании, но не мог считать деньги чем-то несущественным. Мать одна заботилась о семье, и он не хотел превращать свою мечту в обязанность, которую она должна была исполнять независимо от обстоятельств.

Когда пришло её согласие, он несколько раз перечитал письмо. Затем аккуратно сложил его и убрал в карман.

Теперь перед ним появлялась настоящая возможность, но вместе с ней возникала ответственность. Он должен был доказать, что просьба была не минутным порывом.

Обучение проходило на аэродроме Нёгоф, неподалёку от Страсбурга. Инструктором Антуана стал Робер Аэби, пилот гражданской авиации, знакомый с военным аэродромом. Первые занятия не имели ничего общего с тем величественным полётом, который юноша когда-то

представлял себе в детстве. Здесь требовалось учиться сидеть за управлением, понимать реакцию машины, следить за приборами и выполнять команды в правильной последовательности.

Аэби не торопился хвалить ученика.

— Вы слишком напряжены, — заметил он во время одного из занятий.

— Я стараюсь не допустить ошибки.

— Это хорошее намерение. Но если вы будете думать только об ошибке, то перестанете замечать всё остальное.

— Значит, нужно меньше думать?

— Нет. Нужно думать о том, что вы делаете, а не о том, каким глупым будете выглядеть, если у вас не получится.

Антуан усмехнулся.

— Я не особенно беспокоюсь о том, как выгляжу.

— Тогда тем более не понимаю, почему вы держитесь за управление так, словно оно пытается сбежать.

Он ослабил напряжение в руках. Инструктор снова объяснил ему необходимые движения, и Антуан попробовал повторить их.

С каждым занятием он всё яснее понимал, что пилотирование не сводится к смелости. В нём соединялись расчёт, внимание, привычка к точности и способность сохранять ясность мысли, когда машина начинала вести себя не так, как ожидалось. Ошибку можно было совершить от страха, от самоуверенности или даже от чрезмерного желания всё сделать безупречно.

Антуан старался усваивать уроки не только во время полётов. Он расспрашивал механиков о двигателях, читал о конструкции самолётов, сравнивал объяснения и запоминал наблюдения. Иногда задавал слишком много вопросов, и тогда Аэби останавливал его:

— Сент-Экзюпери, сейчас вам не нужно знать всё устройство мира. Вам нужно научиться безопасно выполнить следующий манёвр.

— Но если я пойму, почему машина реагирует именно так, мне будет легче управлять ею.

— Верно. Только понимание не заменяет упражнения. Можно прекрасно объяснить, как ездить на велосипеде, и всё равно упасть при первой попытке.

— Значит, придётся соединить одно с другим.

— Вот это уже похоже на разумный ответ.

Восемнадцатого июня Антуан впервые поднялся в воздух на учебном самолёте с двойным управлением. Для него это был важный день, хотя он старался не придавать ему торжественного значения. Он знал, что впереди ещё много занятий и что один полёт ничего не доказывает.

Когда самолёт оторвался от земли, знакомая картина мира изменилась. Поля и дороги оставались теми же, но теперь он видел их с высоты, недоступной человеку, который смотрел на них с земли. Ветер, шум двигателя и вибрация корпуса не позволяли забыть, что он находится внутри работающей машины, а не в собственном воображении.

Аэби следил за его действиями и время от времени давал указания. Антуан выполнял их с напряжённым вниманием, стараясь не опережать инструктора и не отставать от него. Полёт закончился благополучно, но после возвращения Аэби не позволил ученику предаваться восторгу слишком долго.

— Что вы сделали неправильно?

Антуан перечислил ошибки, которые заметил сам.

— Ещё?

Он задумался.

— Я слишком часто ждал вашего указания.

— Хорошо. А почему?

— Потому что боялся принять неверное решение.

— В воздухе вы не всегда сможете ждать, пока кто-нибудь подскажет вам правильный ответ. Но и самостоятельность не означает, что нужно действовать наугад. Вы должны знать, что делаете и почему.

Эти слова оказались важнее похвалы. Антуан понял, что однажды ему придётся отвечать за собственные решения без возможности переложить ответственность на инструктора.

Девятого июля 1921 года он совершил первый самостоятельный полёт. Это был один из тех дней, которые человек потом вспоминает не по часам и минутам, а по ощущению, что прежняя граница исчезла. Теперь в кабине рядом с ним не было наставника, который мог бы вмешаться в управление. Он должен был выполнить полёт сам.

Антуан понимал, что самостоятельность не освобождает от правил. Напротив, она делает их соблюдение ещё более важным. Перед вылетом он проверил приготовления, выслушал последние указания и занял место в самолёте.

Когда двигатель заработал, сомнения никуда не исчезли. Он не стал внезапно бесстрашным человеком, которому опасность казалась игрой. Он просто знал, что сейчас нужно делать, и сосредоточился на последовательности действий.

Самолёт разбежался по полю и поднялся в воздух.

В первые минуты Антуан почти не позволял себе смотреть на землю. Он следил за машиной, за направлением движения и за тем, как самолёт откликается на управление. Лишь постепенно напряжение уступило место сосредоточенной уверенности. Он завершил круг и начал заходить на посадку.

Но расчёт оказался неточным. Самолёт приближался к земле под неудобным углом, и посадка могла закончиться плохо. Антуан должен был немедленно решить, как действовать дальше. Он добавил газ, чтобы снова набрать высоту, и двигатель отозвался резким изменением работы. На мгновение ему показалось, что возникла серьёзная неисправность.

Сердце ударило сильнее, но он не стал поддаваться первому испугу. Нужно было продолжать управлять самолётом, а не позволять воображению дорисовывать катастрофу. Он выполнил следующий круг и снова пошёл на посадку, уже внимательнее оценивая заход.

На этот раз самолёт благополучно коснулся земли.

Когда Антуан выбрался из кабины, Аэби подошёл к нему. Инструктор выглядел серьёзным, и молодой пилот приготовился услышать замечания.

— Вы понимаете, что произошло?

— Я неправильно рассчитал посадку.

— Да. И что вы сделали потом?

— Ушёл на второй круг.

— А если бы вы начали торопиться и пытаться любой ценой сесть с первой попытки?

Антуан посмотрел на самолёт.

— Тогда всё могло закончиться гораздо хуже.

Аэби кивнул.

— Запомните: неудачный заход — ещё не катастрофа. Катастрофа начинается тогда, когда человек отказывается признать, что его решение было неверным.

Антуан не ответил сразу. Он был слишком взволнован, чтобы произнести что-то достойное момента. Но слова инструктора остались с ним надолго.

Получение гражданского пилотского свидетельства стало первым серьёзным подтверждением того, что мечта постепенно превращается в профессию. Вскоре Антуана направили продолжать военную подготовку в Северную Африку, где предстояло освоить требования военной авиации. Его путь ещё не был завершён, однако он уже доказал, что способен не только хотеть летать, но и учиться этому трудному делу.

Вечером он написал матери. Рассказал о первом самостоятельном полёте, о неудачном заходе и о том, что ему удалось благополучно вернуться на землю. Он не скрывал ошибок, хотя мог бы описать события так, чтобы оставить в письме только приятные подробности.

Ему хотелось, чтобы мать знала: он учится не только управлять самолётом. Он учится принимать последствия собственных решений.

В ответном письме Мария, вероятно, снова напомнила бы ему о необходимости беречь себя. Антуан знал её тревогу и не сердился на неё. Он понимал, что для матери самолёт был не символом свободы, а машиной, которая могла унести сына туда, откуда он не вернётся.

Но теперь он не мог отказаться от своего выбора лишь потому, что он опасен. Ему предстояло научиться быть достойным этого выбора.

Авиация в те годы ещё оставалась молодой профессией. Её правила складывались на глазах у тех, кто ежедневно сталкивался с новыми задачами. Опыт передавался от одного пилота другому, ошибки становились предупреждениями, а удачные решения постепенно превращались в привычки и инструкции. Человек, поднимавшийся в воздух, должен был доверять технике, но не слепо; полагаться на опыт старших, но учиться думать самостоятельно; сохранять смелость, не путая её с безрассудством.

Антуан начинал понимать, что настоящее мастерство не делает человека неуязвимым. Оно помогает ему яснее видеть опасность и принимать решения, когда времени на раздумья почти не остаётся.

Впереди его ждали новые аэродромы, новые машины и новые люди. Он ещё не знал, что однажды судьба приведёт его на почтовые линии, пересекающие пустыни и горные хребты, где каждый рейс будет соединять не просто два пункта на карте, но и множество человеческих судеб.

Пока он был молодым пилотом, только вступавшим в профессию. Однако небо уже перестало быть далёкой мечтой. Оно стало пространством, в котором ему предстояло работать, ошибаться, учиться и отвечать за свои поступки.

И, возможно, именно здесь Антуан впервые почувствовал, что свобода начинается не с возможности подняться над землёй, а с готовности отвечать за то, куда ты направляешься и каким образом собираешься вернуться.

Глава 7. Кап-Джуби

Самолёт шёл над пустыней, и Антуан впервые видел землю, которая не стремилась понравиться человеку.

Под крыльями тянулись песчаные пространства, пересечённые редкими каменистыми грядами. С высоты они казались почти неподвижными, но солнце непрерывно меняло их очертания. Где-то песок отливал золотом, где-то становился серым, а в низинах лежали тёмные тени, похожие на глубокие трещины. На горизонте пустыня соединялась с Атлантическим океаном, и эта встреча двух стихий казалась Антуану суровее и величественнее всего, что он видел прежде.

Он направлялся в Кап-Джуби, на южном побережье тогдашнего испанского Марокко. Осенью 1927 года его назначили начальником авиационной станции, через которую проходила важная часть почтового маршрута между Касабланкой и Дакаром. За этим назначением стояла не почётная должность, а работа, в которой требовались выдержка, умение договариваться с людьми и готовность отвечать за чужую безопасность.

Антуан уже знал, что такое полёт. Теперь ему предстояло узнать, что значит отвечать за полёты других.

Когда самолёт снизился, он увидел небольшое поселение возле испанского форта. Несколько строений, ангары, полоса земли, приспособленная для посадки, и бескрайние пространства вокруг — вот и всё, что могло встретить человека, прибывшего сюда из Европы. Никакого привычного городского шума, никаких улиц, заполненных прохожими, никаких витрин, за которыми можно было задержаться после работы.

Пилот посадил машину, и Антуан спустился на землю. Солнце сразу ударило в лицо. Воздух был сухим, но с океана тянуло ветром, приносящим запах соли.

У ангара его встретил механик.

— Господин Сент-Экзюпери?

— Да.

— Добро пожаловать в Кап-Джуби. Надеюсь, вы привезли с собой хорошую погоду.

— Боюсь, это единственное, чего я не умею доставлять по расписанию.

Механик усмехнулся.

— Тогда вам здесь будет чему научиться.

Он показал Антуану помещение, где хранились инструменты, место для обслуживания самолётов и небольшой кабинет, в котором предстояло заниматься документацией. Затем объяснил порядок связи с соседними станциями и указал, где обычно ожидали прибытия почтовых машин.

— Самое неприятное здесь не жара, — сказал он. — К жаре привыкают. Самое неприятное — ожидание.

— Чего именно?

— Когда самолёт должен был прибыть час назад, а его всё нет.

Антуан посмотрел на него внимательнее.

— И что вы делаете?

— Сначала проверяем сообщения. Потом пытаемся выяснить, что произошло. А если никаких сведений нет, начинаем готовиться к поиску.

— Даже если есть вероятность, что пилот просто задержался?

— Особенно тогда. Потому что задержавшийся пилот может оказаться человеком, которому уже некому помочь.

В этих словах не было драматизма. Механик говорил о привычной части своей работы, и именно поэтому Антуан почувствовал их вес.

В Европе расстояние часто измеряли временем, необходимым для поездки из одного города в другой. Здесь оно измерялось ещё и тем, сколько человек мог прожить без воды, сколько часов выдержит двигатель, сколько топлива останется в баках и успеет ли кто-нибудь заметить отсутствие самолёта до наступления темноты.

Первые дни Антуан посвящал изучению станции. Ему нужно было разобраться в порядке отправления почты, состоянии машин, работе механиков и отношениях с испанской администрацией. Самолёты не принадлежали ему, но от его решений зависело, будут ли они готовы к следующему рейсу. Он должен был учитывать технические обстоятельства, погоду, состояние маршрута и сообщения, поступающие с других участков.

Вскоре выяснилось, что одной организации недостаточно. Кап-Джуби находился в районе, где европейское присутствие было связано с напряжёнными отношениями между испанскими властями и местными племенами. Незнакомец здесь не мог рассчитывать, что его примут только потому, что он прибыл с добрыми намерениями. Люди судили о нём по поведению, обещаниям и тому, насколько точно он выполнял сказанное.

Антуан понимал, что не сможет управлять станцией, если станет разговаривать с окружающими так, словно они обязаны подчиняться его распоряжениям. Ему предстояло заслужить доверие, не отказываясь от ответственности, возложенной на него компанией.

Однажды утром возле форта возник спор. Один из работников сообщил, что местные жители отказываются пропускать небольшую группу людей к участку, где требовалось осмотреть дорогу и проверить возможность движения транспорта. Испанский офицер, отвечавший за безопасность района, был раздражён.

— Они считают, что могут устанавливать собственные правила, — сказал он Антуану. — Если мы позволим им диктовать условия, завтра они потребуют закрыть всю станцию.

— А если мы отправим людей без разрешения?

— Тогда они получат возможность показать свою силу.

— Или мы получим возможность начать конфликт, которого можно избежать.

Офицер посмотрел на него с неудовольствием.

— Вы приехали сюда доставлять почту, Сент-Экзюпери, а не заниматься политикой.

— Я приехал сюда обеспечивать работу станции. Если из-за наших действий самолёты окажутся в опасности, это тоже станет моей проблемой.

— Вы предлагаете договариваться с каждым, кто не согласен с нашими распоряжениями?

— Я предлагаю сначала выяснить, почему он не согласен.

Офицер отвернулся к окну. Разговор не закончился примирением, но Антуан не считал необходимым добиваться согласия немедленно. Он уже видел, что в этом краю поспешное решение могло оказаться дороже долгих переговоров.

Постепенно он познакомился с людьми, жившими возле станции, и стал понимать, насколько мало знает об их жизни. То, что европейцу казалось пустынным безлюдьем, для местных жителей было пространством дорог, пастбищ, источников, родственных связей и давних обязательств. Они знали места, где можно было найти воду, умели читать следы и замечали изменения погоды, которые приезжий мог принять за случайность.

Антуан не романтизировал их жизнь. Пустыня не делала людей автоматически мудрыми или добрыми, как и европейское образование не делало человека справедливым. Но он видел, что нельзя считать чужое знание ничтожным только потому, что оно не изложено в привычных книгах.

Вечерами, когда работа на станции затихала, он выходил к океану. До воды было недалеко, однако далеко уходить от берега было опасно из-за сильных течений. Он мог долго стоять на песке, наблюдая, как волны накатывают на берег и снова отступают. Ветер трепал одежду, а за спиной оставались форт и ангары, маленькие и уязвимые среди огромного пространства.

Ему нравилась эта земля, но он не сразу понял, почему. В пустыне нельзя было скрыться за привычной суетой. Здесь человек оставался наедине со своими мыслями, а тишина не помогала забыть о них. Она делала их отчётливее.

Однако одиночество не означало безделья. Работа требовала постоянной готовности. Почтовые самолёты прибывали и уходили, механики осматривали машины, проверялись документы, передавались сообщения. Иногда всё проходило спокойно, и день складывался из повторяющихся действий. Но за каждым обычным рейсом стояла возможность события, которое в одно мгновение меняло порядок жизни станции.

Однажды вечером самолёт, ожидавшийся с соседнего участка, не прибыл в установленное время.

Сначала никто не тревожился. Задержки случались по разным причинам: встречный ветер, вынужденная посадка, неисправность, ошибка в расчёте времени. Но затем наступил час, когда машину следовало считать пропавшей.

Антуан несколько раз проверил сообщения. Он спрашивал, не поступало ли новых сведений, уточнял время последнего контакта, пытался восстановить возможный маршрут. Ответы были скудными.

Механик вошёл в кабинет.

— Никаких новостей?

— Пока нет.

— Если он сел далеко от маршрута, до темноты его уже не найти.

Антуан поднялся.

— Какой самолёт у нас готов к вылету?

— Один. Но искать ночью — безумие.

— Я не собираюсь взлетать вслепую. Сначала выясним, что можем узнать с земли.

Они вышли к ангарам. На западе солнце уже опускалось к океану. Длинные тени пересекали песок, а дальние участки берега постепенно теряли очертания.

Поиск не мог начаться без подготовки. Нужно было определить вероятный район вынужденной посадки, оценить остаток топлива и понять, насколько безопасно отправлять другого пилота. Антуан знал, что желание немедленно действовать может быть не менее опасным, чем бездействие. Если он потеряет второй самолёт, положение станет ещё хуже.

Он распорядился подготовить машину и собрать доступные сведения о маршруте. Сам хотел отправиться на поиски, но понимал, что решение должно быть основано не только на личном желании. Ему предстояло научиться отвечать не за собственную смелость, а за результат.

Ночь прошла в ожидании. Новых сообщений не поступило.

На рассвете появились сведения, позволявшие предположить, что самолёт мог совершить вынужденную посадку в стороне от маршрута. Поиски продолжились. В тот раз они завершились благополучно: пилота удалось обнаружить после вынужденной посадки, а помощь пришла прежде, чем положение стало безвыходным.

Подробности подобных происшествий не всегда доходили до газет. Для людей, живших далеко от пустыни, задержка почтового самолёта была всего лишь неудобством. Для тех, кто находился на маршруте, она могла стать началом борьбы за жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.